

ко правовых институтов, то есть требуется комплексное использование норм различных правовых институтов. Каждая из этих норм позволяет осуществить защиту объекта в ограниченных пределах, и только их совместное использование может предоставить правообладателю хорошо сбалансированную систему охраны его ИС. Авторское право защищает исходный текст или объектный код мультимедийного продукта — как литературное произведение. Патентное право распространяется на сущность объекта, позволяет защитить его содерхательную часть. Однако использование возможностей патентной охраны мультимедийного продукта достаточно сложно в силу его специфики и существующих ограничений патентного законодательства.

В сфере авторского права также имеется ряд сложностей в отношении рассматриваемых объектов. Для получения разрешения на использование объекта авторских прав требуется установить правообладателя. Вместе с тем для создания систем мультимедиа привлекаются специалисты различных областей творческой деятельности, и нередко трудно установить подлинного правообладателя. При этом следует иметь в виду многообразие форм взаимоотношений, возникающих между создателями мультимедийного продукта.

Основным результатом действия охраны авторских прав является механизм судебной защиты. Однако, как утверждают специалисты (Л. П. Ануфриева и др.), практика рассмотрения дел о нарушении авторских прав на объекты ИС в сфере коммуникационных и информационных технологий, особенно с участием иностранных правообладателей, не всегда удовлетворяет всем требованиям качества правосудия. В судах и хозяйственных судах в Республике Беларусь она еще только формируется, как правило, по инициативе иностранных субъектов права, выступающих истцами. Рассмотрение в судах дел, связанных с указанными технологиями, и в том числе о нарушении авторских прав в этой сфере, вызывает у судей значительные затруднения. Сложность дел, связанных с защитой ИС, авторских прав на специфичные объекты охраны, предполагает специальную подготовку судей. Кроме того, необходима разработка соответствующих правовых норм.

В силу их специфичности мультимедийные продукты как объекты ИС с трудом укладываются в традиционные рамки как авторского, так и патентного законодательства. В связи с этим возникла потребность в изменении действующих правовых норм, дальнейшем совершенствовании нормативных документов. Принятие нового закона об авторском праве решило рассмотренные выше проблемы лишь частично. Так, в перечень объективных форм охраняемых авторским правом произведений включена электронная, в том числе цифровая форма. В качестве охраняемых объектов авторского права названы компьютерные программы. Однако мультимедийные продукты не указаны в этом перечне непосредственно.

Полагаем, что необходимо внесение в законодательство дальнейших дополнений, посвященных урегулированию отношений, возникающих в связи с использованием мультимедийных продуктов как объектов ИС, а также принятие специального закона о регулировании отношений в соответствующей сфере.

Таким образом, новой тенденцией правового регулирования в МЧП выступает расширение сферы его действия за счет появления новых видов отношений, возникающих по поводу специфических объектов.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Оксютичк Н. В., Белорусский государственный университет

Вопрос о выработке критериев определения принципов международного частного права является одним из основных при изучении этого важнейшего правового феномена ввиду того, что «четкое определение подобных критериев — это, с одной стороны,

ключ к формированию обоснованного перечня принципов и, с другой стороны, — инструмент для анализа подхода того или иного автора к принципам с целью выявления как сильных, так и слабых сторон этого подхода».

Исходя из того, что под принципами международного частного права следует понимать «объективно существующие основополагающие, руководящие идеи, осуществляющие функции внутреннего согласования и эффективного функционирования всей системы международного частного права, а также непосредственного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, при наличии в ней пробелов и противоречий», мы можем утверждать, что критерии их определения представляют собой, с одной стороны, те необходимые сущностные характеристики, которые присущи любому положению (идее), являющемуся принципом международного частного права, и, с другой стороны, являются мерилом относимости любого правового положения (идеи) к принципам международного частного права. Другими словами, указанные критерии выполняют две основные функции:

- 1) раскрытие содержания принципов международного частного права;
- 2) эмпирическая оценка возможности отнесения некоего положения (идеи) к числу принципов международного частного права.

В числе критериев определения принципов международного частного права особое место занимает *универсальность*, которая многими исследователями общей теории права обоснованно рассматривается в качестве неотъемлемого свойства принципа права в целом как правовой категории. В качестве свойства принципа права универсальность проявляется в его общезначимости, «сквозном» действии, а также в прямом либо косвенном влиянии на всю систему правовых норм.

Учитывая упомянутые общетеоретические посылки, представляется, что под универсальностью как критерием определения принципа международного частного права понимается *присущая принципу способность прямо либо косвенно регулировать всю совокупность частноправовых отношений, осложненные иностранным элементом, либо опосредованно влиять на ее регулирование*.

Указанный критерий является основополагающим для определения принципа международного частного права ввиду того, что, являясь сущностной характеристикой последнего, обеспечивает возможность распространения действия конкретного принципа на весь предмет правового регулирования международного частного права как особой системы норм. Своим «пронизывающим» воздействием универсальность принципа фундирует и связывает в единую стройную систему нормы международного частного права независимо от их генезиса, оставляя за рамками этой системы положения, противоречащие принципу, что в свою очередь приводит к санации нормативного массива от «случайных» элементов, противоречащих принципиальным положениям. Упомянутое воздействие приводит также к тому, что принцип международного частного права в процессе его выявления и дефиниции теоретически выкристаллизовывается и становится до известной степени абстрактным, ибо только в таком его качестве «достижима действительная универсальность..., содержащая всю полноту конкретного».

С другой стороны, именно универсальность как основной критерий определения принципа международного частного права позволяет в процессе теоретически обоснованного выделения и фиксации существующих принципов избежать включения в их состав положений, которые таковыми не являются, не допустить смешения принципов как категорий высшего порядка с иными элементами системы международного частного права.

Для иллюстрации действенности универсальности как основного критерия определения принципа международного частного права можно привести пример подхода О. Н. Толочки, которая в своей статье формирует перечень принципов международного частного права, включая в него в качестве специальных принципов наиболее распространенные коллизионные привязки. Указанный подход уже аргументировано признался нами весьма спорным, а потому отметим лишь, что проанализировав сформули-

рованный перечень так называемых «специальных принципов международного частного права» лишь через призму критерия универсальности (основного, но отнюдь не единственного), названный автор с неизбежностью убедилась бы в некорректности своего подхода в связи с тем, что даже при очень широком распространении какой-либо коллизионной привязки мы не можем говорить о ее возможном применении (пусть даже косвенном и опосредованном) для регулирования всей совокупности частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Учитывая вышеизложенное, представляется обоснованным утверждать, что универсальность, являясь основным критерием определения принципа международного частного права, в совокупности с другими критериями позволяет выделять принципы международного частного права из правовой реальности, а также способствует более полному раскрытию наиболее значимых аспектов их содержания.

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Тыкоцкая Н. Г., Белорусский государственный университет

Формы недобросовестной конкуренции, связанные с использованием объектов интеллектуальной собственности, в Республике Беларусь закреплены в пункте 1 статьи 142 Закона Республики Беларусь от 10 декабря 1992 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее — антимонопольный Закон). К ним относятся:

— незаконное использование хозяйствующим субъектом не принадлежащего ему фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания), наименования места происхождения товара на товарах, их упаковке, на вывесках, при демонстрации экспонатов на выставках и ярмарках, в рекламных материалах, печатных изданиях и иной документации;

— введение в гражданский оборот товаров с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации участников гражданского оборота или их товаров;

— незаконное копирование внешнего вида товара другого хозяйствующего субъекта, за исключением случаев, когда копирование товара или его частей (узлов, деталей) обусловлено исключительно их техническим применением;

— введение в гражданский оборот товаров другого хозяйствующего субъекта с использованием собственных средств индивидуализации товара, если иное не предусмотрено договором, заключенным между хозяйствующими субъектами.

Следует отметить, что для признания большинства из действий, перечисленных в указанном пункте статьи 142 антимонопольного Закона, правоприменительные органы вынуждены анализировать не только нормы антимонопольного Закона, но и положения иных актов белорусского законодательства, в частности, специальных законов, регулирующих отношения в сфере интеллектуальной собственности.

Так, например, для определения того, какое использование хозяйствующим субъектом не принадлежащего ему товарного знака (знака обслуживания) является незаконным, правоприменителю необходимо обращаться к Закону Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания». Из данного Закона следует, что незаконным является использование товарного знака лицом, не являющимся его владельцем, без заключения лицензионного договора.

В абзаце 2 пункта 1 статьи 142 антимонопольного Закона установлен закрытый перечень способов незаконного использования фирменного наименования, товарного знака (знака обслуживания), наименования места происхождения товара — на товарах, их